

Родосский Николай Степанович

**Афазия и значение ее для
локализации мозговых
отправлений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Степанович Р.**
Афазия и значение ее для локализации мозговых отправлений / Родосский
Николай Степанович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 206 с.

ISBN 978-5-519-80920-7

ISBN 978-5-519-80920-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АФАЗІЯ

И ЗНАЧЕНІЕ ЕЯ

ДЛЯ

ЛОКАЛИЗАЦІИ МОЗГОВЫХЪ ОТПРАВЛЕНІЙ.

«It appears to me that inquiry into this obscure subject has arrived at a stage when little or no further profit can accrue from an aimless accumulation of observations, and that what is now needed is a digestion of the material which lies at hand.»

MAUDSLEY «Concerning Aphasia».

ДИССЕРТАЦІЯ

НА СТЕПЕНЬ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

НИКОЛАЯ РОДОССКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Леведева, Невскій пр. д. № 8.

1876.

Докторскую диссертацию Лѣкаря Николая Родоскаго, подъ заглавіемъ: «Афазія и значеніе ея для локализациі мозговыхъ отправленій», съ разрѣшенія Конференціи Императорской Медико-Хирургической Академіи, печатать дозволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи оной представлено было въ Конференцію 300 экземпляровъ ея. С.-Петербургъ, мая 4-го дня 1876 года.

Ученый Секретарь *Ландцертъ*.

22097-0

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ последнее время, въ литературѣ афазіи ясно обозначилось стремленіе авторовъ смотрѣть на афазію какъ на комплексъ симптомовъ, не представляющихъ никакого опредѣленнаго и постояннаго характера и не имѣющихъ никакой связи между собою. Такое направленіе обнаруживается уже въ самыхъ заглавіяхъ сочиненій объ афазіи, появляющихся въ наше время, напр. «Комплексъ афазическихъ симптомовъ», или «Афазія, аграфія и родственныя патологическія состоянія» и т. д. Еще яснѣе оно обозначается въ тѣхъ сочиненіяхъ, главною цѣлію которыхъ было изслѣдованіе «дѣйствительнаго состоянія вопроса объ афазіи». Такъ Фальре, изучавшій съ этою именно цѣлію обширную литературу афазіи, собралъ въ одной изъ своихъ статей до 60 наблюденій, заимствованныхъ у всѣхъ возможныхъ авторовъ, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ, именно для того, чтобы доказать, что всѣ эти клиническія факты сами по себѣ лишаютъ афазію всякаго самостоятельнаго значенія.—«Prouver enfin, par la comparaison de leurs analogie et de leurs differences, qu'ils représentent un symptome devant être rattacher à des affections

diverses, plutôt qu'ils ne peuvent constituer une maladie distincte et séparée,—tel est le but principal de ce travail». (Arch. Génér. de Med. 1864. t. IV. p. 94).

* Такое понятіе объ афазіи мало согласуется и съ понятіемъ о рѣчи, какъ особымъ отправленіемъ организма, и съ тѣмъ, что мы привыкли видѣть въ патологіи всѣхъ другихъ отправленій. Нарушеніе функціи какъ отдѣльнаго органа, такъ и всякаго сложнаго аппарата всегда и вездѣ представляетъ нѣкоторую правильность и послѣдовательность явленій, сохраняющихъ болѣе или менѣе постоянный характеръ, потому что всякое нарушеніе отправленій есть ничто иное, какъ рядъ естественныхъ слѣдствій постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, опредѣляющихъ нормальныя отношенія данной функціи, только дѣйствующихъ при патологическихъ, т. е. неблагоприятныхъ условіяхъ. Почему же нарушенія рѣчи—столь же самостоятельнаго отправленія, какъ и всякое другое—должны представлять не рядъ естественныхъ слѣдствій постоянныхъ и неизмѣнныхъ законовъ, несомнѣнно управляющихъ рѣчью, какъ способомъ выраженія вообще, но безпорядочную смѣсь непостоянныхъ припадковъ, не имѣющихъ между собою никакой связи?

Одна изъ главныхъ причинъ такого страннаго понятія объ афазіи выясняется въ слѣдующемъ опредѣленіи этой болѣзни, которое предлагаетъ д-ръ Замтъ. «Also die Aphasie ist in jedem Falle zu analasirender Symptomencomplex. Es ist Grad und Form der gestörten Sprachbildung zu erudiren, Grad und Form der begleitenden psychischen Schwäche, es ist auf das Verhatten von Schreiben, Lesen, Rechnen zu achten, es sind Bewegungsverwegslungen zu notiren, nach vielleicht anderweitigen formell oder inhaltlich abnormen Hirnerscheinungen zu Suchen. Vielleicht ist im einzelnen Falle auch das frühere nor-

male Sprachvermögen zu recurriren, auf sein Verhalten bei Affecten u. s. w.» Не удивительно, что, если всё подобныя «психическія ослабленія» или «иныя ненормальности мозговыхъ отправленій, какъ со стороны ихъ формы такъ и содержанія», — если всё эти расстройства причисляются также къ афазіи — не удивительно, что понятіе объ этой болѣзни теряетъ всякое опредѣленное значеніе, — названіе «афазія» превращается въ такомъ случаѣ въ общій терминъ, подъ которымъ сгруппировано нѣсколько существенно различныхъ между собою состояній. Отсюда становится понятнымъ то нескончаемое множество теорій и мнѣній, которыми наполнена литература афазіи, ибо каждый новый случай, причисленный къ той или другой «ненормальности психической» служитъ поводомъ къ составленію новой теоріи, придумываемой именно ради этого случая. Отсюда же и значительное число «видовъ» афазіи, для обозначенія которыхъ часто необходимы и особые названія, которыхъ также накопилось не малое число (aphrasia, aphemia, alalia, amnesia, aphthongia, anarthria etc.) Все это ведетъ не столько къ уясненію предмета, а скорѣе къ большому запутыванію его, ибо очевидно, что при такомъ взглядѣ на предметъ, основаніемъ этихъ теорій служатъ не какія-нибудь общія начала, или законы, постоянно и неизмѣнно дѣйствующія (иначе не было бы такого разногласія въ мнѣніяхъ), а болѣе или менѣе остроумныя гипотезы. Не удивительно послѣ этого, если изученіе литературы афазіи приводитъ всякаго, желающаго уяснить себѣ этотъ вопросъ, къ убѣжденію, что подъ этимъ именемъ можно разумѣть все, что угодно.

Предлагаемое сочиненіе представляетъ попытку подвести разнообразныя расстройства рѣчи при афазіи подъ общія фیزیологическія начала, которыя не были бы придуманы ex

тепоре, ради самихъ афазическихъ особенностей рѣчи, но которыя опредѣляютъ собою и нормальныя отношенія рѣчи, — попытку показать, что различныя явленія афазіи, несмотря на ихъ кажущуюся безсвязность и непостоянство, представляютъ нѣкоторый порядокъ и послѣдовательность, постоянно удерживая одинъ и тотъ же основной характеръ, и различаясь между собою только степенью. Словомъ, предлагаемое сочиненіе есть опытъ изслѣдованія разстройства рѣчи при афазіи, въ смыслѣ нарушенія отправленія, самостоятельно совершающагося въ организмѣ, слѣд. опытъ изслѣдованія и самой афазіи, какъ болѣзни самостоятельной, сохраняющей всегда неизмѣнный, опредѣленный характеръ.

Помимо этого общаго направленія и цѣли, предлагаемое изслѣдованіе не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, т. е. чего бы не было уже высказано кѣмъ-либо изъ авторовъ, писавшихъ объ афазіи. Всѣ частныя положенія, принимаемыя мною какъ ближайшія причины разстройства рѣчи по отношенію ко всѣмъ афазикамъ вообще, принимаются и защищаются многими авторами, только въ отношеніи къ отдѣльнымъ видамъ афазіи. Но чтобы правильно понять общія фізіологическія начала или законы, управляющіе рѣчью, недостаточно изучать рѣчь только въ той ея формѣ и въ томъ законченномъ развитіи, въ какомъ существуютъ теперь современные намъ языки. Очевидно, что ключъ къ уразумѣнію этихъ началъ можетъ дать только исторія первоначальнаго происхожденія и развитія языка или рѣчи, какъ способа выраженія, — точно также какъ эмбриологія и ископаемые остатки бывшихъ родовъ животныхъ даютъ ключъ къ уразумѣнію истинныхъ анатомическихъ отношеній частей и органовъ тѣла и ихъ настоящаго фізіологическаго значенія. Сколько мнѣ извѣстно, авторы, писавшіе объ афазіи, обык-

новенно принимаютъ исходнымъ пунктомъ въ изученіи физиологіи рѣчи тотъ моментъ, когда ребенокъ начинаетъ учиться говорить, т. е. усвоить уже вполне развитую форму языка; и едва ли ошибочно будетъ сказать, что упущеніе изъ вида этого источника свѣдѣній, необходимыхъ для полного изученія физиологіи рѣчи, составляетъ немаловажную причину запутанности и разногласія въ мнѣніяхъ объ афазіи. Поэтому въ первой главѣ этого сочиненія указаны (хотя и очень коротко) тѣ важнѣйшія данныя первоначальнаго происхожденія и развитія рѣчи, какія только можно считать прочно установленными, согласно современному ученію филологіи и физиологической психологіи.

Въ виду предположенной цѣли этого изслѣдованія—обобщенія фактовъ или афазическихъ разстройствъ рѣчи,—огромное значеніе имѣетъ обиліе самыхъ фактовъ, и такому требованію вполне удовлетворяетъ богатство клиническаго матеріала, наконившагося въ обширной литературѣ афазіи. При выборѣ этихъ клиническихъ фактовъ обращалось вниманіе преимущественно на такіе случаи, которые либо считаются типическими для той или другой теоріи, или въ которыхъ клиническая картина, а также и патологическія измѣненія, описаны съ большею ясностью и подробностью. Было бы несравненно выгоднѣе для меня, еслибы я могъ располагать значительнымъ числомъ личныхъ наблюденій, но къ сожалѣнію, мнѣ посчастливилось наблюдать только два случая афазіи. Впрочемъ «настало время для темнаго вопроса объ афазіи, когда настоящая потребность состоитъ не въ безцѣльномъ накопленіи наблюденій, мало способствующемъ уясненію вопроса, но въ переработкѣ того матеріала, который уже лежитъ подъ рукою». Эти слова Маудсли, взятые мною эпиграфомъ ко всему сочиненію, да послужать мнѣ

оправданіемъ противъ справедливаго упрека въ недостаточности моихъ личныхъ наблюдений.

Наконецъ, не могу не выразить надежды, что благосклонный читатель, имѣя въ виду сложность и запутанность вопроса, также трудность самой задачи, будетъ имѣть нѣкоторое снисхожденіе къ тѣмъ недостаткамъ и несовершенствамъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, не лишено это изслѣдованіе.

С.-Петербургъ. Мартъ, 1876 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Wie die Mimik beruht die Sprache auf Bewegung, und wie die Mimik giebt sie dem innern geistigen Geschehen einen Ausdruck».

WUNDT.

«A word is. nothing more, than the artificial mark of the muscular act of Speech, into which the idea is translated».

MAUDSLAY.

Великій принципъ постепеннаго развитія въ мірѣ органическомъ проявляется съ одинаковымъ постоянствомъ и послѣдовательностью не только въ такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ развитіе отдѣльныхъ видовъ животныхъ, но и въ каждой частной особенноти извѣстнаго вида; и хотя въ полномъ развитіи своемъ подобная особенность представляетъ иногда чрезвычайно сложное и совершеннѣйшее строеніе, тѣмъ не менѣе, каждая такая особенность развивалась не иначе, какъ путемъ постепенныхъ измѣненій и усовершенствованій, начиная съ самыхъ простыхъ образованій. Одинъ изъ такихъ примѣровъ представляютъ чрезвычайно изящныя какъ по рисунку, такъ и по роскошному очертанію красокъ глазчатая пятна на крыльяхъ многихъ чешуекрылыхъ и другихъ насѣкомыхъ, также на крыльяхъ птицъ, напр. павлина, или удивительныя украшенія въ видѣ шара въ гнѣздѣ на маховыхъ крыльяхъ фазана-аргуса. Всѣ подобныя образованія произошли вслѣдствіе цѣлаго ряда постепенныхъ переходовъ отъ двухъ простыхъ пятенъ ¹⁾. Такое постепенное развитіе, можетъ быть, кажется для насъ менѣе удивительнымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ органахъ и приспособленіяхъ, имѣющихъ важное фізіологическое значеніе; ибо здѣсь мы можемъ еще уловить различныя вліянія окружаю-

¹⁾ Дарвинъ, Чарльзъ. «Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу». Перев. подъ ред. проф. Сиченова 1871 г. т. II, стр. 152.

щей среды, какъ рядъ отдѣльныхъ толчковъ, которыми опредѣлялась постепенность и послѣдовательность развитія новаго признака или особенности вида. Но въ такихъ образованіяхъ, которыя служатъ только для украшенія, и которыя не имѣютъ никакого важнаго физиологическаго значенія, мы не въ состояніи уловить прямыхъ вліяній, которыя опредѣляли бы направленіе самаго развитія; поэтому, не смотря на то, что развитіе такихъ образованій, напр. глазчатыхъ пятенъ, мы въ состояніи прослѣдить почти шагъ за шагомъ до самой простѣйшей, первоначальной ихъ формы, мы до такой степени поражаемся изяществомъ и совершенствомъ ихъ строенія, что невольно приходимъ къ мысли—не суть ли это отдѣльные акты творенія?

Неудивительно послѣ этого, что языкъ человѣческій—это тонкое орудіе мысли, «которое придаетъ образъ воздушнымъ чувствамъ нашей души и плоть возвышеннымъ мечтамъ нашего воображенія», «эта поэма души»—считался до послѣдняго времени какъ отдѣльный актъ творенія! То утверждали, что языкъ есть даръ Божества, данный человѣку въ отличіе отъ безсловесныхъ тварей; то говорили, что языкъ есть искусственное изобрѣтеніе человѣческаго разума; было даже мнѣніе, что языки «вышли совершенно готовыми изъ формы человѣческаго духа, какъ Минерва изъ головы Юпитера» ¹⁾. Но уже а priori, въ виду повсемѣстнаго приложенія принципа постепеннаго развитія, можно думать, что и рѣчь человѣческая, какъ всякое другое органическое явленіе, слѣдовала тому же принципу въ своемъ развитіи. «И въ настоящее время, говоритъ Дарвинъ, ни одинъ изъ физиологовъ не думаетъ, что какой бы то ни было языкъ былъ выдуманъ сознательно, но что каждый развивался медленно и бессознательно шагъ за шагомъ ²⁾. Филологи также пришли къ убѣжденію давно уже, что извѣстные языки не всегда были таковыми, какъ мы ихъ теперь знаемъ; что самый сложный языкъ, принадлежащій самой цивилизованной націи, будучи подверженъ грамматическому анализу, можетъ быть разложенъ на составныя части, и между

¹⁾ *Ренанъ, Эрн.* «О происхожденіи языка». Перев. Чудинова. Воронежъ. 1866 г. стр. 43.

²⁾ *Дарвинъ, Ч.* «Происхожденіе человѣка и половой подборъ». Т. I, стр. 56...